

ЖУТКИЕ СКАЗКИ БРАТЪЕВ ГРИММ

КЕННЕТ БЁ АНДЕРСЕН • БЕННИ БЁКЕР • Д.К. МОРТЕНСЕН



Скандинавские боги

Якоб и Вильгельм Гримм

Жуткие сказки братьев Гримм

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44

Гримм Я.

Жуткие сказки братьев Гримм / Я. Гримм — «Издательство АСТ», 2019 — (Скандинавские боги)

ISBN 978-5-17-156481-0

Нам кажется, что мы знаем все сказки вдоль и поперек и уже не можем испытать от них новые эмоции. Но так ли это на самом деле? Так ли добра Белоснежка, как о ней рассказывали прежде? Заберет ли незнакомец душу героя или спасет ее? И проснется ли Спящая красавица? Для этой книги мы отобрали десять известных сказок, написанных братьями Гримм. Эти истории – грубые, жестокие, злые, прекрасные, удивительные, волшебные – вернут нас в те времена, когда сказки рассказывали не только детям, но и взрослым. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.112.2-34
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-156481-0

© Гримм Я., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	7
Белоснежка	9
Рука с ножом	23
Человек-медведь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Якоб и Вильгельм Гримм

Жуткие сказки братьев Гримм



Grimm
Originally published as a Storytel Original Series

Пересказ Кеннета Бё Андерсена и Бенни Бёдкера
Художник Д.К.Мортенсен

Перевод с датского *Маргариты Канарской*



Text © 2019 Benni Bødker, Kenneth Bøgh Andersen («Originally published as a Storytel Original»)

Illustrations © 2019 John Kenn Mortensen

© М. Канарская, перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие



С возвращением в мрачный мир братьев Гримм! Здесь вас ждут десять историй – старых и вместе с тем совершенно новых. Сказка подвижна, и такой она была всегда: начиная с древнейших времен, когда первые люди расселись вокруг костра и повели рассказ. Мы не знаем, кто придумал эти истории, как они возникли, но они кочуют из страны в страну и существуют во множестве вариантов. Нам кажется, что мы знаем историю Белоснежки вдоль и поперек, но так ли это? Чем же на самом деле она закончилась? Сказки, собранные братьями Гримм в Германии в начале XIX века, относятся к числу самых известных и любимых во всем мире, и именно братья первыми стали их со временем переписывать.

Сказка подвижна, для нее не существует жестких правил. Конечно, сказка может начинаться словами «однажды давным-давно...» и заканчиваться «...и жили они счастливо до самой смерти». В сказке могут встретиться повторы и магическое число три. Но это вовсе не обязательно. Все правила о том, какой должна быть настоящая сказка, были придуманы после того, как сказки перестали рассказывать. Для этой книги мы отобрали десять лучших историй братьев Гримм – грубых, жестоких, злых, прекрасных, поразительных, чудесных, затейливых – можно перечислять бесконечно. Кто-то, возможно, возразит – они же адресованы исключительно детям. Ведь это сказки, и некоторые истории братьев Гримм со временем действительно стали чересчур адаптированными для детей. Появились очеловеченные животные и истории про Красную Шапочку и Ханса и Грету в картинках для малышек. Куда же подевалось все жуткое и страшное? В том числе это «страшное» мы и хотим вернуть в сказку. Вернуть тот прежний мир, те первоначальные истории, которые, несомненно, предназначались не только детям, но и любому, кто желал послушать занимательный рассказ. А разве таких мало?

Сказка подвижна, но мы старались по мере сил не отступать от первоисточника. Вместе с тем мы что-то добавляли, а что-то опускали в случаях, когда истории позволяли и побуждали вносить правки, подробнее об этом сказано в послесловии. Все отобранные сказки остаются сказками братьев Гримм, но мы пересказали их своими словами и дали волю своей фантазии. Истинным даром и наслаждением было для нас окунуться в этот таинственный, опасный и чудесный мир, который существовал однажды.

Бенни Бёкер и Кеннет Бё Андерсен



Белоснежка

В вольном пересказе Кеннета Бё Андерсена



Зрелище завораживало. Снежинки легким пухом опускались на землю и заключали ее в белую оболочку. Новый мир накрывал прежний. И королева, сидевшая с шитьем у открытого окна, растрогалась, а бывало такое нечасто. Ей было тепло, несмотря на мороз. Его она не страшилась и дышала холодом полной грудью, при этом уносясь мыслями в детство – во времена, когда она танцевала среди снежинок и лепила ангелов из белого покрыва. Так много лет прошло с тех пор, как минуло ее детство! Так много лет, как...

Резкая боль прервала ее размышления, и королева опустила глаза. Она укололась иглой. Капля крови собралась на самом кончике пальца и упала на снег. За ней еще одна. И еще. Королева зачарованно смотрела на алые пятна. Это было так красиво – красное на фоне сплошной белизны. Королева распоролла вышивку и вынула ткань. Подняла пустые пальцы из черного дерева и взглянула через них на снег – они словно обрамили пятна крови. В этот миг королева поняла, чего так страстно желала, хотя, как ни странно, раньше это не приходило ей в голову.

– Дочку! – прошептала она. – Я хочу дочку с кожей белой, как снег, румянцем ярким, как кровь, и волосами цвета черного дерева.

И королева, привыкшая добиваться своего, отправилась к королю. А он выполнил то, что она велела. Так происходило всякий раз, ведь Его утасующее Величество не смел ослушаться своей супруги. Дело в том, что она никогда не была принцессой и перед тем, как стать королевой, представляла собой нечто совсем иное...

«Ведьма!» – дразнили ее дети, когда она, маленькая девочка, танцевала на снегу, не проваливаясь. А вот они потом все провалились под лед на озере, пока она сидела на берегу и, улыбаясь, слушала их крики.

Прошло время, и она стала королевой. Она настолько ослепила короля своей красотой, что он мог смотреть только на нее, а вида других людей не выносил. И потому он безвылазно сидел в своей комнате, снедаемый тоской и колдовскими чарами.

Нынче король стал похож на свою бледную тень, однако сохранил остатки былой мужской силы, и вскоре живот королевы округлился. Поначалу королеве не нравилось ее меняющееся тело, и она каждый день рассматривала себя в зеркале, которое немудреным заговором наделила сознанием и умением говорить.

– Зеркальце, скажи-ка, милое, – властно требовала она, – кто в стране сей всех красивее?

И с облегчением выслушивала привычный ответ: «В целом крае нету девы, что прекрасней королевы». Каждый день она задавала один и тот же вопрос и каждый день получала один и тот же ответ. И однажды ночью тело королевы приобрело прежние очертания: она родила дочь с белой кожей, алыми губками и черными волосиками.

– Малышка Белоснежка! – промолвила королева.

Она взяла ребенка на руки и почувствовала что-то похожее на любовь. Младенец открыл глазки, и на миг королева сильно забеспокоилась. Она увидела еще один цвет, цвет, который не она выбирала. Дитя унаследовало его от короля – прекрасные глаза девочки были синие-пресиние, как ясное небо. Девочка была очень красивой. Тревога королевы отступила, лишь когда она задала главный вопрос зеркалу. Услышав привычный ответ, она с облегчением вздохнула и повернулась к люльке, в которой кричал ребенок.

– Тише, тише! – королева приложила девочку к груди. Ее дочь. Ее собственная дочь. Как же она ее любит. – Мама здесь.

* * *

Шли годы. Белоснежка росла, с каждым мгновением становясь все краше. И с каждым днем все беспокойнее делалось на сердце у королевы. Теперь она говорила с зеркалом не раз в день, а утром, днем и вечером. С одним и тем же вопросом она просыпалась, с ним же и засыпала.

И однажды утром случилось то, чего королева так боялась, хотя внутри себя понимала, что это неизбежно. Всего четыре часа назад, проснувшись посреди ночи от кошмарного сна, она услышала от зеркала, что хотела. Но все изменилось утром, когда она открыла глаза и вновь задала свой вопрос. Настал момент истины.

– Не было в краю сем деvy, что прекрасней королевы. А теперь скажу, не мешкая, всех прекрасней Белоснежка, – ответило зеркало.

Сердце королевы словно ножом пронзили. Она выглянула в окно и посмотрела на дочь, которая рвала в саду цветы, смотря на мир глазами отца. Самого отца Белоснежка не знала. Она никогда его не видела и даже не подозревала о его существовании. Дверь в комнату короля была все время заперта, а ключ королева держала при себе. Невинному несмышленому ребенку было всего семь лет от роду. Всего каких-то семь лет, она еще только начинала расцветать. Рой мыслей пронесся в голове королевы. Возможности. Варианты.

Прижать Белоснежку щекой к раскаленной печке.

Клинком отсечь нос и ухо.

Камнем раздробить зубы и челюсть.

Втолкнуть в клетку к диким собакам.

Но все-таки ей не хотелось иметь изуродованную дочь. Лучше, если дочери у нее не будет вовсе.

Королева приняла решение, и впредь ничто не могло растопить ледяной ком, пульсирующий у нее в груди. Она велела привести к ней кого-нибудь из придворных егерей.

– Отведи Белоснежку в лес, – приказала она. Голос ее звучал спокойно, будто она говорила о погоде. – Там убей и принеси мне ее печень и легкие.

Егерь захлопал глазами от удивления:

– В-ваше Величество?

– Тебе нужно повторить? – Ее глаза – цвет их совсем не напоминал глаза дочери – грозно темнели. – Мне не нужны слуги с таким поганым слухом.

Егерь поспешно поклонился и вышел.

Королева подошла к окну. Увидев, как егерь ведет Белоснежку в лес, она улыбнулась. Той самой улыбкой, как в тот день, когда дразнившие ее дети утонули в озере.

* * *

Вечером воротился егерь. Он был бледен. Дрожащей рукой он подал королеве кожаный мешок. В нем лежали печень и легкие Белоснежки. Когда егерь удалился, королева сварила окровавленные куски в соленой воде и съела их, не оставив ни крошки. Никогда еще еда не казалась ей такой вкусной.

Королева бросала взоры на зеркало. Ей не терпелось задать свой вопрос, вернее, услышать ответ. Но она решила подождать: сейчас она не была так хороша – с полным желудком и кровью дочери в уголках рта. Она отложила свой вопрос до утра. Треволнения от событий этого дня должны были уняться. Королева надеялась, что завтра ей все произошедшее покажется сном.

– Мне приснилось, что у меня есть дочь, – прошептала она, – красавица, и я люблю ее больше всего на свете. И тут я проснулась.

Вскоре она заснула. И ей ничего не снилось.

* * *

В действительности же королеве не удалось полакомиться печенью и легкими дочери. Белоснежка вовсе не умерла, хоть и была на волосок от гибели.

Егерь сказал, что хочет ей кое-что показать, и девочка пошла с ним в лес. Они все шли и шли, и вот уже замок скрылся за деревьями, а они все продолжали путь. Они остановились лишь у небольшого водопада, возле которого росла зеленая трава с разбросанными по ней яркими цветами. Солнце игриво рисовало радугу в пенящемся потоке воды, но вот оно зловеще блеснуло на лезвии кинжала, который егерь достал из ножен.

– Простите меня, принцесса, – прошептал он и приставил одной рукой острие к горлу Белоснежки, а другой рукой погладил ее по голове. – Прекрасная, прекрасная принцесса.

Белоснежка была слишком удивлена, чтобы по-настоящему испугаться. Ей было всего семь лет, и сначала она решила, что это просто игра.

Но чувства, отражавшиеся на лице егеря, говорили о другом. Каждый вдох сопровождался почти болезненным стоном, слезы градом катились по его щекам. Кожей Белоснежка ощущала холод металла... Вот тут и появился страх. Он накатил на нее, как волна на прибрежную скалу. Стоит егерю надавить чуть сильнее...

Но он не стал.

– Я не могу, – простонал он, опуская кинжал. Затем потупил взгляд, словно от стыда. – Отнесу королеве печень и легкие зверя.

Какая чепуха. Королеве?

Егерь снова взглянул на нее.

– Беги, – произнес он и сразу зычно повторил: – Беги в лес и больше не возвращайся, никогда, слышишь? Беги же!

Белоснежка бросилась бежать со всех ног. Остановилась лишь на миг, когда за ее спиной раздался крик зверя. Это дикий кабан выл от боли. Меж деревьев она увидела, что егерь вытаскивал стрелу из туши животного и начал кинжалом перерезать ему горло. Девочка отвернулась и быстро побежала дальше, все глубже и глубже забираясь в темный лес, который обступал ее плотной стеной. Ветки хлестали ее, острые камни обдирали ноги. Белоснежка скользила на мокрой земле, скатывалась в глубокие овраги. Малышке казалось, что старые узловатые деревья обращают к ней свои «лица»: уродливые и искаженные, и пристально глядят на нее со всех сторон. Ветер шелестел в верхушках деревьев, будто весь лес таким образом смеялся над бедной девочкой. А Белоснежка думала о матери. Ее родная мама велела егерю... Отчего же она так поступила?

Вдруг девочка заметила избушку и остановилась. Та стояла не на ближайшей лужайке, залитой солнечным светом, а в густой тени, где было темно и влажно. Казалось, избушка вросла корнями в землю, холмы и мох.

Странная то была избушка, что-то в ней было не так. Но что именно, Белоснежка сначала не догадалась. А потом сообразила – избушка как избушка, а дверь слишком маленькая, не больше метра высотой. Топор в колоде меньше обычного, словно игрушечный. На влажной земле отпечатки. Следы ног. Множество следов. Девочка поставила ногу рядом с одним из них. Ее нога была больше.

Белоснежка подошла к двери и постучала. Никто не ответил.

Она осторожно взялась за ручку, и дверь бесшумно отворилась. Белоснежке пришлось нагнуться, чтобы войти. Она с удивлением посмотрела по сторонам. Посреди комнаты стоял стол, на нем – тарелки, чарки и ложки. К столу было придвинуто семь стульчиков. Вдоль стены располагались семь кроваток. Все крошечное.

– Есть здесь кто-нибудь?

Раздалось рычание, и девочка сначала пришла в ужас, решив, что позади нее притаился дикий зверь, но потом поняла, что это урчало у нее в животе.

На маленькой печке побулькивал большой котел. От него шел необычный, но приятный запах. Белоснежка положила себе еды. Поев, она выпила воды из чарки. На вкус вода была кисловатой, но девочке так хотелось пить, что она не стала обращать на это внимание.

Тут же камнем навалилась усталость. Девочка подошла к кроватям и перетрогала их одну за другой, пока наконец не нашла самую мягкую. Но чтобы поместиться на ней, пришлось поджать ноги. Хорошо, что матрас был мягким, и девочка заснула, едва коснувшись головой подушки.

Белоснежке снилась мама, и сон не предвещал ничего дурного.

* * *

– Не было в краю сем девы, что прекрасней королевы, – ответило зеркальце. – Но теперь скажу, не мешкая, всех прекрасней Белоснежка.

Земля ушла у королевы из-под ног. Ей пришлось ухватиться за спинку кровати, чтобы не упасть. Перед глазами все плыло.

В то утро она проснулась в хорошем настроении с первыми лучами солнца. Напевая, причесала волосы, надела красивое платье и, встав перед зеркалом, задала вопрос. И услышала не тот ответ, который ожидала.

– Он обманул меня, – прошипела королева и так сильно сжала кулаки, что ногти впились в ладони. Значит, вчера она съела не дочкины легкие и печень. – Он обманул меня!

Солнце еще не вошло полностью над горизонтом, а палач уже занес над егерем свой топор.

Королева снова подошла к зеркалу в своей комнате. Посмотрела в свои глаза. Безусловно, красивые глаза. Но больше не самые прекрасные.

Пока не самые прекрасные.

– Зеркальце, – начала она, подумав, что, если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, нужно сделать его самой, – скажи, не мешкая, куда делась Белоснежка?

* * *

Хлопнула дверь. Белоснежка проснулась и едва не закричала. Вокруг кровати стояли семеро диковинных существ и разглядывали девочку большими глазами. Очень большими. Спутанные волосы и длинные до пола бороды скрывали их лица. Эти существа были похожи на людей, но только маленьких и почему-то старых. Будто дети, которые не росли, а только старились.

– Кто... кто вы? – вымолвила Белоснежка. И уточнила: – Что вы за существа?

Человечки переглянулись. То ли они не знали, что сказать, то ли давно позабыли ответ на такой вопрос.

– Гномы, – наконец сказал один из них. Голос его был грубым, как обломки скал, упавшие на землю.

– А ты? – пробормотал другой, показывая на гостью рукой, короткой и толстой, с огромной, как медвежья лапа, ладонью. Под длинными ногтями у этого гнома застряла черная грязь.

– Меня зовут Белоснежка. Моя мама... – Тут у девочки комок подкатил к горлу. На глаза навернулись слезы. Она поведала им обо всем и добавила, что не знает, как быть дальше.

– Остаться у нас? – предложил третий, и остальные согласно закивали. Их большие глаза сияли. – Останься, останься!

Белоснежка нерешительно улыбнулась.

– А где ваша мама?

Мама? Гномы отрицательно покачали головами. Не было у них мамы.

– У вас нет мамы? Вы что, появились прямо из скалы? – Судя по виду гномов и цвету их кожи, напоминавшей кремень, Белоснежка была недалеко от истины.

Девочка встала с кровати. Ей было всего семь лет, но ростом она превосходила любого из них.

– Позвольте мне быть вашей мамой? – сказала она и закусила губу. – Вашей доброй мамой.

Гномы захлопали и затопали, издавая странные звуки, должно быть, так они смеялись.

– Тише, тише, дети, – успокаивала их Белоснежка, смеясь вместе с ними.

* * *

Девочка подметала пол, когда вдруг раздался стук в дверь.

Белоснежка уже успела заправить кровати, убрать со стола и помахать на прощание гномам. После завтрака те уходили из дома, неся с собой кирки, лопаты и ведра. Она вела себя с ними, как настоящая мама, хотя не была уверена, что хочет играть в эту игру все время. Семеро гномов каждый день уходили в горы добывать золото и драгоценные камни – так они сказали. И показали целую гору добычи за домом.

– Хозяева? – раздался старческий голос. – Есть кто дома?

Белоснежка отложила метлу и выглянула в окно. У дверей стояла торговка с морщинистым лицом. На руке у нее висела корзина. Завидев в окне девочку, старая женщина улыбнулась, обнажив кривые зубы. Торговка открыла корзину и достала связку шелковых лент, заискрившихся на солнце. – Кому прекрасные ленты для корсета? Отдам дешево.

Ленты и впрямь показались девочке чудесными, и она решила, что гномы не обеднеют, если она возьмет немного золота за домом.

– Этот цвет тебе к лицу, – сказала старуха, вытаскивая из корзины жемчужно-белую ленту. – Выйди да примерь. Я помогу тебе завязать.

– Иду, – отозвалась Белоснежка. Мама ведь должна быть всегда красивой. Что-что, а это девочка усвоила.

Она распахнула дверь, старуха широко улыбнулась. В этот миг Белоснежку осенило, что она уже где-то видела эту торговку. А может, та кого-то ей напомнила.

– Какая красивая девочка, – прошептала старуха, холодным пальцем погладив Белоснежку по щеке. А затем накинула на нее ленту. Только обвила не стан, а шею. И затянула так, что лента впилась в кожу и девочке стало трудно дышать. Она отчаянно пыталась вырваться, била руками и дрыгала ногами, да все было напрасно.

Зато теперь она узнала эти глаза, смотревшие на нее с ненавистью.

Тут мир словно сжался, и со всех сторон подступила тьма...

* * *

Голоса. Откуда-то издалека...

– Белоснежка!

Голоса приблизились. Кто-то тряс ее за плечи. Тьма стала рассеиваться.

– Поднимайся, Белоснежка!

Девочка открыла глаза и увидела семь склоненных над нею встревоженных лиц. Гномы. Один из них держал в руке нож, другой – обрывки ленты.

Белоснежка закашлялась и села. Шея сильно горела. Гномы принесли воды, и девочка с трудом сделала глоток. Жестами и теми немногими словами, которые они знали, гномы поведали, что произошло. Обычно они трудились дотемна, но сегодня решили закончить работу пораньше. Им не терпелось вернуться домой, где теперь с ними жила девочка. И они подросли как раз вовремя. Гномы нашли ее лежавшей без чувств у распахнутой двери. С шелковой лентой, затянутой на шее.

– Мама приходила, – промолвила Белоснежка. – Она прикинулась торговкой. – Девочка разрыдалась. – Как она нашла меня? Откуда узнала, что я жива? – Она утирала слезы, которые все продолжали капать. – За что она хочет убить меня? За что она хочет убить меня?

Слова девочки растаяли в звенящей тишине леса.

* * *

Вернувшись в замок, королева тотчас бросилась в свою комнату Сняла заклятье, чтобы в зеркале отразилась не морщинистая старуха, а самое красивое лицо в королевстве. На этот раз сомнений не было. Теперь-то Белоснежка мертва.

Так ей казалось. Но в ответ зеркало промолвило...

Белоснежка! Опять эта проклятая Белоснежка!

– Н-нет, этого не может быть, – прошептала королева. – Этого НЕ МОЖЕТ быть! – шепот сорвался на крик.

Должно быть, гномы подросли вовремя. Королева схватила зеркало, затрясла им так, что отражение пошло рябью. Почему она не убедилась, что лента сделала свое дело? У нее были все шансы свернуть дочке шею. Теперь же все стало намного труднее. Девчонка и гномы будут настороже, а значит, придется действовать хитрее.

Тут взгляд королевы упал на зеркало. В нем отражалась ваза с фруктами, стоявшая на столе позади нее.

План вмиг созрел.

Она подошла к столу, взяла одно яблоко, сморщенное и гнилое у черенка, – фрукты принесли давно. У королевы сразу пропал аппетит, когда она перестала получать от зеркала привычный ответ.

Королева стала нашептывать странные зловещие слова, от которых у обычных людей из ушей могла бы пойти кровь, и постепенно яблоко в ее руке налилось соком. Черенок выпрямился, и на нем вырос листик. Один бок яблока сделался зеленым, как весенняя трава, другой румяным, как вечерняя зорька.

Королева ощутила какую-то пульсацию внутри яблока, словно держала в руках бьющееся сердце. Затем яблоко замерло.

* * *

Гномы снова собирались уходить.

– Дверь не открывай! – наказали они, вскидывая на плечи кирки и лопаты. – Никому. – И гномы направились к своим пещерам.

Белоснежка решила, что это глупо. Ведь теперь мать должна была быть твердо уверена в том, что она мертва. Больше нечего бояться...

И тут раздался стук в дверь. Сначала девочка подумала, что это гномы забыли что-то, и она собралась было отпереть засов, но внезапно передумала. Девочка подбежала к окну и выглянула наружу.

Там снова стояла старуха. Не та, что накануне, но...

Но!

«Мама тоже не стала бы два раза подряд переодеваться в одну и ту же старуху», – подумала Белоснежка. Может, она догадалась, что ее дочь вновь выжила – уже во второй раз.

– Купи яблочко, – предложила крестьянка с добродушной улыбкой. – Таких сладких яблочек ты еще не ела. Открой дверь, детка, и попробуй.

– Мне нельзя никому открывать, – ответила Белоснежка изнутри.

– Какое разумное дитя! Ты заслуживаешь подарка. Возьми одно яблочко, – женщина достала фрукт из корзины. Что это было за яблоко! Блестящее, румяное, наливное, у Белоснежки аж слюнки потекли. – Открой окошко и лови!

Белоснежка, сделав усилие, покачала головой:

– Мне нельзя ничего брать от чужих.

– Ну ты и трусиха, – проворчала женщина, – можно подумать, ты боишься, что яблоко отравленное.

Белоснежка молча смотрела на яблоко, будучи не в силах отвести от него взгляд, она почти ощущала на губах его вкус... И тут раздался скрип. Девочка опустила глаза. Сама не понимая, что делает, она стала отпирать задвижки на окне. Ее руки двигались словно сами по себе. Она поспешно отдернула их.

– Взгляни-ка, – женщина достала нож и разрежала яблоко.

Потек сок. Белоснежка вообразила или и в самом деле смогла почувствовать аромат этого спелого яблока сквозь закрытое окно?

– Я съем зеленый бок, а тебе оставлю румяный. И тогда ты убедишься, что бояться нечего. – Женщина откусила кусочек. – М-м-м-м...

«Это и впрямь всего лишь старая крестьянка, – решила Белоснежка. – Добрая старая крестьянка».

Девочка открыла окно и протянула руку Ловко поймала половинку яблока, которую ей бросила женщина. Белая мякоть пенилась соком, и Белоснежка с наслаждением откусила большой кусок. Не успев заметить горьковатый привкус, девочка почувствовала тяжесть. Ее тело онемело, словно по мановению волшебной палочки. Глаза закатились. Белоснежка упала замертво с недожеванным куском яблока, застрявшем в горле. Откуда-то издали донесся голос крестьянки. Нет, то был голос матери. В нем звучали ненависть и торжество:

– Глупая девчонка, только красный бок был пропитан ядом. На этот раз гномам не спасти тебя. На этот раз...

Вечный мрак.

* * *

– Зеркальце, ответь скорее, кто в стране сей всех милее?

И наконец... Наконец-то!

– В краю этом нету деви, что прекрасней королевы.

* * *

Да, на этот раз гномы не смогли привести Белоснежку в чувство.

Она умерла и не оживала, и гномы, прежде никогда не плакавшие, рыдали так, будто всю жизнь только этим и занимались.

У них рука не поднялась похоронить девочку. После смерти их любимая мамочка была столь же прекрасна, как и при жизни, и им невыносимо было думать о червях, пожирающих ее плоть в земле.

И потому гномы изготовили для Белоснежки стеклянный гроб и поставили его на полянке возле дома, чтобы покоившаяся в гробу девочка могла соперничать своей сияющей красотой с солнцем и звездами. На золотой табличке гномы написали, как ее зовут и что она королевская дочь. Гномы, у которых больше не было никакого желания добывать драгоценные камни, стерегли Белоснежку день и ночь, и временами им представлялось, что она вот-вот откроет глаза и улыбнется своей лучистой улыбкой. Казалось, что девочка с белой, как снег, кожей, алыми, как кровь, губами и волосами цвета черного дерева просто заснула.

Но Белоснежка не просыпалась.

Она не просыпалась, но все же что-то в ней менялось. Ее тело. Гномы не видели этих крохотных, незаметных глазу изменений, происходящих изо дня в день, – так незаметно пробивается на свет цветок из-под земли.

Девочка в стеклянном гробу потихоньку выросла.

Годы шли
И шли.
И этот лес огласили неведомые доселе звуки.
Топот копыт. Он приближался все ближе.

* * *

Он уже сомневался, что когда-нибудь найдет их и что они существуют на самом деле. Однажды в замке о них рассказал ему старый учитель и показал картинки в толстом покрытом пылью фолианте. Принц зачарованно разглядывал этих необыкновенных существ, казавшихся то ли людьми, то ли камнями, покрытыми мхом, – гномов.

На следующий же день, захватив с собой двух слуг, принц покинул замок. Он всегда был одержим жадной приключений и возжелал увидеть этих загадочных созданий собственными глазами. Поиски, продолжавшиеся много недель, и расспросы за кружкой пенного пива в придорожных трактирах завели королевича сначала в соседнюю страну, а затем – в простирающуюся за ней. А там – и в самую чащу бескрайнего леса. Поговаривали, что где-то здесь обитали гномы, но до сих пор принц не обнаружил никаких следов.

– Смотрите, – вдруг прошептал один из слуг, указывая на что-то меж деревьев. На лужайку впереди. И верно. Там-то они и сидели. Целых семеро гномов, прямо на открытом пространстве под солнцем, хотя принц слышал, что они обычно держатся тени и влажных мест.

Он спешил и осторожно подошел поближе. Заслышав его, гномы вскочили на ноги, держа наготове кирки и лопаты.

– Я не причиню вам зла, – произнес принц, поднимая руки. Он назвал свое имя, поведал, что он королевский сын, что ему всего лишь хотелось... хотелось...

Тут он осекся, увидев, что окружили эти удивительные существа, пытаясь закрыть своими маленькими телами.

Хрустальный гроб. Гроб, в котором лежала молодая женщина. Прекраснейшая из всех, кого он когда-либо видел! Голова принца внезапно стала легкой, будто все мысли вмиг улетучились.

– Кто эта девушка? – шепотом спросил он. – Почему лежит в гробу?

Гномы переглянулись и опустили свои орудия.

– Белоснежка, – ответил один из гномов голосом таким скрипучим, что едва можно было разобрать слова. – Умерла.

– Умерла? – принц перевел взгляд с девушки на золотую табличку: – Она принцесса... Была принцессой.

Гномы закивали, а один из них, кажется, произнес «мама», но принц решил, что услышался.

– И сколько времени она так лежит?

– Годы. Долгие годы. – Прозвучал ответ. Это показалось принцу странным. Как такое возможно? Как она могла умереть много лет назад? Ведь ее кожа сияла белизной. Казалось, девушка только-только прилегла отдохнуть и в любую секунду готова проснуться.

Сердце принца забилося с невероятной скоростью, и он, не успев подумать, выпалил:

– Продайте ее мне!

Эти слова прозвучали неожиданно даже для него самого, но принц не мог уехать, оставив ее здесь. Он был уверен в этом так же, как в том, что солнце движется с востока на запад, а земля плоская, как тарелка. Королевский замок хранил множество прекрасных вещей, но все они меркли по сравнению с красотой этой девушки. Белоснежка. Чего стоило одно это имя. Он должен заполучить ее.

– И не думай! – злобно зафыркали гномы. – Она не продается!

– Тогда пусть будет мне подарком. Молю вас! – голос принца зазвенел, как не звенел с самого детства. Так он выпрашивал на кухне еще одно печенье до тех пор, пока ему не разрешили его взять.

Гномы снова схватились за свои орудия. Глаза за спутанными волосами сузились, превратившись в щелки. Не рычание ли донеслось?

Принцу пришлось сменить тактику.

– Послушайте, – начал он, стараясь придать голосу властные нотки, – ей не место здесь, в лесу среди зверья, которое того и гляди растерзает ее. Что тогда вы будете делать? Только представьте это прекраснейшее создание изгрызенным и обглоданным! К тому же она принцесса, и ее место в замке. Я прошу не для себя, подумайте о ней. – Он заглянул каждому гному в глаза. – Она достойна этого.

Принц понял, что попал в яблочко. Гномы ничего не сказали, но оказалось, что им это и не нужно, словно они обсудили все без слов.

Они взглянули на принца, который пристально смотрел на них. Он обдумывал, что станет делать, если они откажутся.

Гномы опустили кирки и кивнули.



Так тому и быть. И принц отправился домой, увозя с собой хрустальный гроб с мертвой принцессой. Гроб несли на плечах слуги, и принц пожелал, чтобы они шли впереди. Так он всю дорогу мог смотреть на Белоснежку.

Прошло немало времени, и они прибыли в замок. Принц сразу же велел отнести гроб в свою комнату.

Он примостился рядом на скамеечке и нежно прикоснулся к прохладному стеклу.

– Белоснежка, – прошептал принц. Теперь он каждое мгновение мог смотреть на нее.

Этим-то он и занялся.

В один прекрасный день он заметил, что люди сплетничают у него за спиной. Мол, принц день и ночь проводит с трупом молодой женщины. То ли он свихнулся, то ли был околдован, да только эти слухи были ему как с гуся вода, будто он сам сидел в хрустальном гробу. Он больше не принадлежал миру этих людей, ведь его мир заключался в Белоснежке и только в ней. Его воображение рисовало, как она открывает глаза и улыбается ему – эта картина была столь прекрасна, что слезы наворачивались на глаза и катились по бледным щекам принца.

Принц велел, чтобы ему приносили еду, потому что вдали от Белоснежки он не мог проглотить ни кусочка. Если же ему случалось покидать комнату, то слуги тащили за ним гроб – принц ни на миг не хотел выпускать принцессу из виду.

Он с самого начала был уверен – что-то должно произойти, и боялся упустить этот момент. Ведь тогда вся его жизнь рассыплется прахом. Принц стал бодрствовать по ночам. Глядел на девушку, залитую серебристым светом месяца.

– Что мне сделать? – шептал он. – Я точно знаю, что должен что-то сделать.

Принц решил открыть крышку гроба. Он понимал, что это безумие, что он безумен, но понимал и то, что не может совладать с собой, и во мраке ночи он оставил поцелуй на губах мертвой принцессы. Они были холодны, как гроб, в котором лежала красавица.

Неожиданно ее веки дрогнули и стали медленно подниматься.

Принц моргнул и резко выпрямился. Он, видно, задремал, и ему привиделось, что Белоснежка очнулась. Но нет – она так же недвижно лежала в гробу. Юноша вернул крышку на место, еще сильнее ощущая свое безумие.

* * *

Все больше тревожились родители принца, все больше негодовали слуги, которым приходилось таскать тяжелый гроб. И однажды кто-то из них не выдержал. Как-то раз принц присел на скамейку в саду. На его бледном лице темнели черные круги вокруг глаз. Принц задремал, а его слуга, заработавший горб, таская гроб на закорках, не смог совладать с собой. Он открыл крышку и стал трясти Белоснежку с такой силой, что голова ее болталась из стороны в сторону.

– Я больше не могу, не могу, не могу таскать мертвеца, понятно тебе? – причитал несчастный.

Слуга выпустил плечи принцессы и собрался было закрыть крышку, но вдруг, вздрогнув, обернулся. На него налитыми кровью глазами смотрел принц. Юноша проснулся в тот же миг, как слуга поднял крышку, и видел все.

– Виселица или плаха? – спросил он слугу глухим шепотом. – Выбирай...

Продолжить он не успел, потому что услышал звук. Словно кто-то долго не мог сделать вдох, а потом наконец вдохнул полной грудью. Звук донесся из гроба. Мертвая девушка открыла глаза и села.

Принц заморгал. Еще одно видение? Он и впрямь сошел с ума?

– Где я? – промолвила Белоснежка, разглядывая кусок яблока, выпавший у нее изо рта, когда слуга тряс ее.

Она выбралась из гроба и посмотрела на принца синими, как летнее небо, глазами. Они были еще прекраснее, чем он мог себе вообразить.

Он прошептал ее имя.

Она кивнула и робко улыбнулась.

Принц улыбнулся в ответ.

Слуга не попал ни на виселицу, ни на плаху.

* * *

Письмо выскользнуло из рук королевы.

– Это... это ложь. Этого не может быть.

В письме лежало приглашение на свадьбу. Свадьбу ее дочери. Имя Белоснежки было написано черным по белому, а послание скреплено красной печатью.

Словно на чужих ногах, королева проковыляла к зеркалу. Тому зеркалу, что не далее, как вчера, поведало ей, что она первая красавица королевства. Слабым шепотом королева произнесла, чуть изменив вопрос:

– Что за дочь страны родной всех прекраснее собой?

И, не веря своим ушам, услышала в ответ:

– Я отвечу, не тая, королева то была. А сейчас, скажу не мешкая, во сто крат тебя прекрасней Белоснежка.

Королева грохнула кулаком по зеркалу – оно разбилось, будто вскрикнуло.

Женщина долго глядела на осколки на полу.

«Зачем она позвала меня? Что задумала?» – проносились мысли в голове королевы.

Она не знала.

Но знала, что собирается сделать сама.

Королева собиралась приехать на свадьбу.

* * *

Спустя две недели королева шагнула в открытые ворота замка, где уже было много гостей. На миг она словно окаменела. Она увидела дочь, восседавшую на троне. Неужели это ее Белоснежка?

Маленькая девочка исчезла, уступив место молодой женщине. Молодой и сказочно прекрасной – зеркало не солгало. Придя в себя, королева притворно улыбнулась и подошла к трону.

– Мама, – приветствовала ее Белоснежка, – мне так не терпелось снова увидеться с тобой.

– Любезнейшая дочь. – Королева крепче сжала нож, спрятанный в кармане. На этот раз она решила не переодеваться и не пользоваться магией. Обычный нож вернее. Как радовалась она, представляя черную рукоять ножа торчащую из груди дочери. Ее кровь, красным пятном расплывающуюся на белом платье. – Я привезла тебе подарок,

– У меня тоже есть подарок для тебя, – Белоснежка хлопнула в ладоши, и толпа гостей расступилась, пропуская слугу, который вбежал с блюдом в руках. Он поставил его перед королевой. Та растерянно остановилась. На блюде стояла пара железных башмаков. Раскаленно-красных, словно их принесли сюда прямо из кузнечного горна.

– Надень их, – велела Белоснежка.

Брови королевы поползли вверх. И брови принца, сидящего подле невесты, тоже.

– Белоснежка? – спросил он. – Что ты задумала?

– На свадьбе принято танцевать. Мама начнет. Я позаботилась о танцевальных туфельках, – она улыбнулась. Глаза ее горели. – Надень их, мама.

Королева подняла ногу, хотя вовсе не собиралась этого делать, но тело перестало ее слушаться. Им распоряжалась Белоснежка. Дочь королевы, той, что до своего замужества занималась совсем другими вещами. Та же ведьминская кровь текла и по жилам Белоснежки. Она была не только молода и прекрасна, но к тому же обладала силой, намного превосходившей материнскую. Королеву сковало, словно цепями, ей ничего не оставалось, как сунуть ноги в

раскаленные башмаки. Она почувствовала невыносимую боль, но не вскрикнула, потому что и этого не могла.

– Б-белоснежка?.. – в ужасе прошептал принц, беспокойно заерзав на троне.

Гости заахали и отшатнулись, зал наполнился запахом горелого мяса.

– Тс-с-с, любимый. А теперь – главное. Музыка! – Белоснежка снова хлопнула в ладоши, и заиграли музыканты. – Давай, мама. Пляши! – закричала Белоснежка. Она хоть и казалась молодой дамой, но внутри осталась той же семилетней девочкой.

Принц в ужасе глядел на свою невесту, в ее синие глаза, сиявшие холодным светом. Железные башмаки задвигались в такт веселой музыке, и королеве пришлось двигаться вместе с ними. Она плясала и плясала, ноги ее плавилась, мир исчез. Не осталось ничего, кроме боли.

Но она все плясала и плясала.

Последнее, что она услышала, пока свет в ее глазах не померк, были слова Белоснежки, звучавшие издалека:

– Перейдем к застолью.

Все, что осталось от королевы, продолжало танцевать еще долгое время.



Рука с ножом

В вольном пересказе Бенни Бёкера



Девушка лежала на берегу озера. Она даже вообразить не могла места более умиротворяющего и прекрасного, ведь кроме нее здесь никого не было.

Никого, кто бы звал ее. Никого, кто бы бранил и раздавал указания направо и налево. Кто бы кричал «пошевеливайся, негодная девчонка».

Никто не толкал ее в спину, когда она, подметая пол или готовя еду, случайно оказывалась на пути. Никто не проклинал и не говорил, что ей грош цена. Здесь у озера она была одна.

Когда девушка медленно и лениво приоткрывала глаза, то видела курган, поросший рябиной и падубом, и милее этого кургана ничего для нее не было.

Она также заметила трех серых коней, пустившихся вскачь, унося на спинах трех ее братьев. Девушка равнодушно проводила их глазами. В душе ее ничто не шевельнулось. Поодаль, на пустоши, стояла хибарка матери. Не родной дом, ведь в родном доме хорошо, как нигде.

В родном доме ты всегда желанный гость, тебя все любят, и ты отвечаешь тем же. Хибарка же была всего лишь пустой оболочкой и, сколько девушка себя помнила, никогда не была для нее родной.

Так она лежала, сжимая в руках нож и любуясь его блеском в лучах солнца. Она работала им каждый день, но ни одна царапина не испортила гладкий клинок. Девушка потрогала лезвие – оно оставалось таким же острым и ровным, как в тот день, когда она впервые взяла этот нож в руки.

Но вот девушка поднялась с земли. Минуя курган, дважды стукнула по камню, и из темной дыры в кургане показалась рука, поросшая темной шерстью. Узловатые пальцы аккуратно забрали нож и девушка направилась к хибарке.

* * *

Она жила с матерью и тремя братьями. Только они впятером – вдалеке от всего и от всех. Вокруг были торфяное болото, лес и озеро, а еще, куда ни глянь, пустошь. Их хибарка была единственным жильем на мили вокруг.

Никаких соседей, никого из людей. Только девушка, ее мать да трое братьев.

Тех самых, что превращали ее жизнь в ад. Мать больше всего любила сыновей, что бы они ни сделали – все хорошо, что бы ни сделала сестра – все не так. Им все дозволялось, ей – ничего. У каждого из них было по серому коню, и братья могли скакать, куда вздумается. Захотят – на охоту, захотят – на ярмарку, обменивать мясо и меха, поговорить с народом да узнать, что в свете делается.

А у девушки были разве что стоптанные деревянные башмаки да вечная работа.

За что они с ней так?

Чем она не угодила матери? Чем не угодила братьям?

Она не понимала. Знала лишь, что обращаются с ней хуже, чем с собакой, да только, кроме них, никого у нее не было.

Каждый день ей приходилось идти на болото, нарезать торф и тащить его назад, чтобы натопить в доме и приготовить еду в кухоньке. Работа эта была тяжелой и изнурительной, на нее едва хватало сил и целого дня, ведь мать вручала дочери одну деревянную лопату, которая с трудом входила в землю.

Каждое утро девушка отправлялась на болото за торфом и каждый вечер возвращалась усталая и измученная, едва держась на ногах.

Вот такой жизнью она жила. Изо дня в день наблюдала, как братья уносились прочь верхом, а сама шла на болото. А вечером видела, как братья возвращались домой, смеясь и болтая о том, чего насмотрелись и наслушались за день.

Вот такой жизнью она жила. Тяжелой жизнью. И было б ей совсем невмоготу, не влюбись в нее однажды один подземный житель.

* * *

Знаете, подземные жители обычно ни с кем не водятся. Те самые жители, что обитают в древних курганах, разбросанных по полям и лесам по всей округе. Стоят эти курганы с незапамятных времен. Никто уж и не упомнит, кто поставил их здесь и для какой надобности. Вот в них и обитают подземные жители, и людей они недолюбливают.

Но этот подземный житель каждый день смотрел на девушку, когда она проходила мимо его кургана, чтобы залезть в болото и нарезать торфа, и потихоньку в нее влюбился.

И случилось как-то раз, что девушка присела у кургана немного передохнуть перед тем, как пуститься в обратный путь, и расплакалась.

Девушка все плакала и не могла остановиться.

Она оплакивала свою беспросветную жизнь. Плакала из-за матери и братьев, которым не было до нее дела. Плакала оттого, что ей не выбраться из этих мест, что нет тут, кроме ее семьи, других людей. Плакала из-за тяжелой работы, и оттого, что вовек ничего не изменится.

Так она сидела, оплакивая свою судьбу, и вдруг услышала, как кто-то произнес:

– Что случилось, моя милая?

Девушка обернулась, и удивленно посмотрела вокруг. Сюда никогда никто не приходил. Только она одна копалась в торфяном болоте. Голос-то она услышала, но кругом не было ни души, может, почудилось?

Неужто она помешалась?

Девушка снова заплакала, но кто-то снова задал вопрос:

– Что случилось, моя милая?

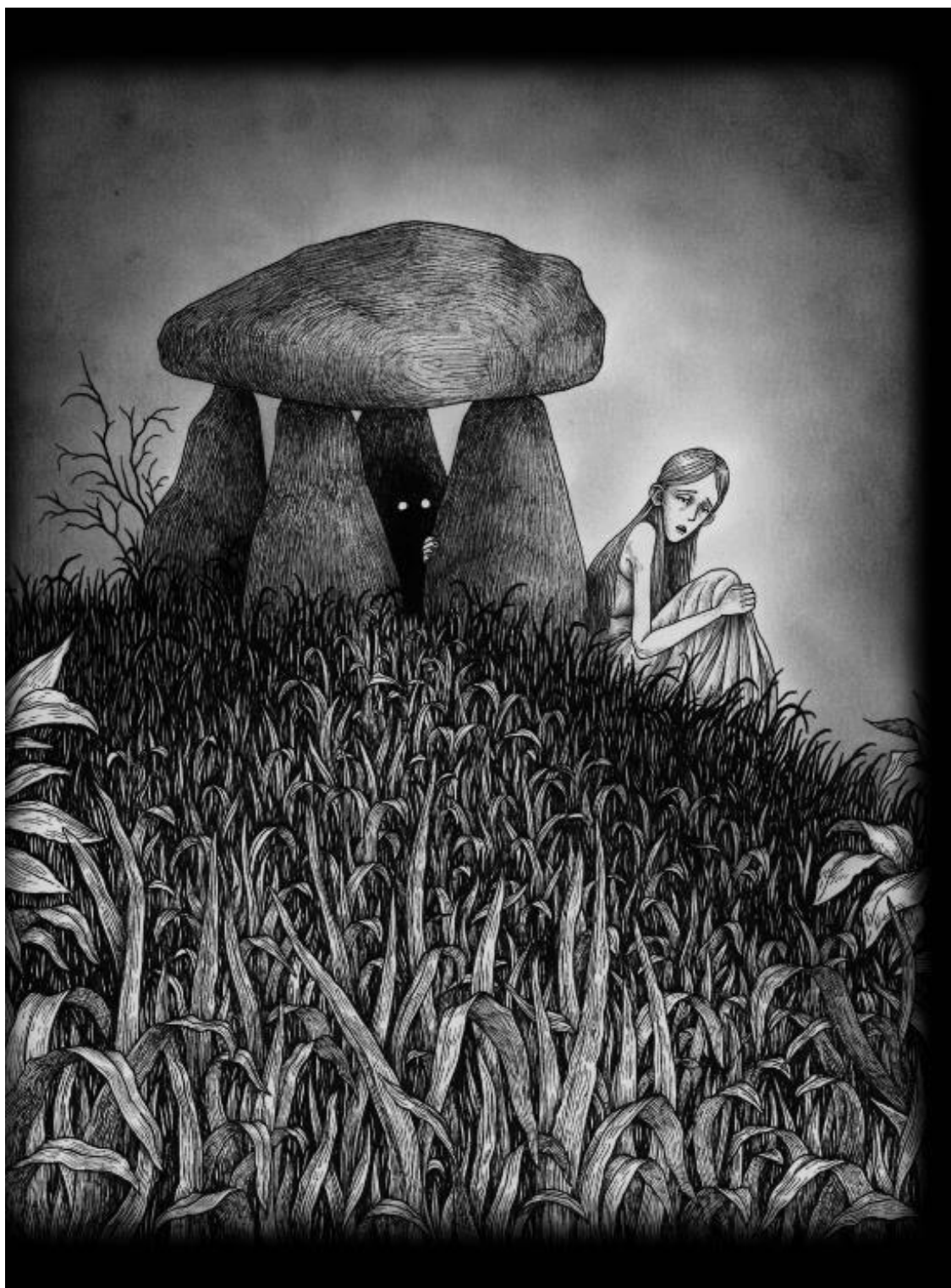
Она опять обернулась, но и на этот раз никого рядом не было. Или, может, был? Может, прятался в тени большого камня в кургане?

Пара глаз во мраке. Пара глаз, глядевших на нее.

Вместо того чтобы испугаться, девушка принялась жаловаться на свою тяжелую жизнь и изнурительную работу. Она говорила, говорила и не могла выговориться. Так бывает, если обычно тебя-долго не слушают.

Она говорила, как каждый день залезает в болото, о мокрой и липкой земле, о толстом слое травы, о том, как трудно ее отдирать, о том, как трудно тащить домой торф.

– Когда в другой раз придешь нарезать торф, сперва дважды стукни по этому камню, – произнес голос. – И тогда земля не покажется тебе такой тяжелой, а работа такой утомительной.



Голос говорил ласково и приветливо, и девушка была уверена, что, кто бы там, в тени, ни прятался, он желал ей добра. Впервые в жизни кто-то был ласков с ней.

– Взамен ты должна мне кое-что пообещать, – продолжил голос. Он больше не был ласковым. Теперь он звучал твердо и решительно, но по-прежнему приветливо. – Пообещай мне кое-что, – повторил он. – Пообещай, что вовек никому обо мне не расскажешь.

Девушка пообещала, и с тех пор каждое утро, направляясь к болоту, она дважды стучала по камню в кургане. Вслед за этим подземный житель высовывал из темной дыры руку. В узловатых пальцах он держал нож. Им – то девушка и резала торф.

Окончив работу, она снова дважды стучала по камню, появлялась рука и забирала нож. Нож был волшебным, как это часто водится у подземных жителей, им можно было разрезать все что угодно.

Никогда прежде не жила она такой прекрасной жизнью.

* * *

С ножом она за считанные минуты управлялась с дневной работой. Все остальное время девушка лежала на склоне кургана, чувствуя, как ветер перебирает ее волосы, или отдыхала на берегу озера, думая о необычном обитателе кургана.

В мечтах она уносилась далеко прочь от здешних мест. Представляла себя в другой жизни, живущей счастливо в другой стране. Как бы ей хотелось вырваться! Оставить эту хибарку, не ставшую ей родным домом.

Эти дни напоминали летний сон, легкий и радостный, в котором она чувствовала себя любимой. Но, подобно сну, эти дни оборвались столь же внезапно, как и настали. А все оттого, что мать с братьями заметили, что девушка преобразилась.

Она перестала быть такой бледной, печальной и измученной, какой они привыкли ее видеть. Значит, что-то произошло. Время от времени она даже потихоньку улыбалась, думая, что ее никто не видит.

Мать никогда не жаловала дочь и потому сказала как-то вечером трем своим сыновьям:

– Тут дело нечисто. Не иначе, появился у нее помощник. Проследите за ней и выясните, кто он такой.

На следующее утро младший брат не пошел на охоту, а засобирался с сестрой на болото:

– Я помогу тебе управиться с тяжелой работой.

Сестра ему, конечно, не поверила, да он ничего и не собирался делать. Знай, валялся себе на траве у озера, пока она надрывалась, нарезая торф. Девушка не стала стучать по кургану, чтобы получить волшебный нож, ведь она пообещала подземному жителю держать их секрет в тайне.

Работа вновь была тяжелой и утомительной, как прежде. Вечером, когда девушка тащила тяжелый торф домой, ей пришлось управляться с этим в одиночку. Младший брат и не думал помогать. Девушка не могла сдержать слез, проходя мимо кургана, и оттуда раздался шепот:

– Что случилось, моя милая?

Девушка тоже зашептала в ответ, рассказывая о том, что случилось, отчего она не забрала нож, и подземный житель научил ее, как поступить в следующий раз.

Когда младший брат вернулся домой, мать принялась распекать его.

– Не было ничего необычного, – оправдывался он. – Она резала торф, как обычно это и делают. Я умаялся смотреть, как она работает.

– Ах ты, дурень, обвела она тебя вокруг пальца! – рассердилась мать.

И потому на следующий день отправиться с сестрой на болото пришлось среднему брату. Он тоже солгал, что хочет помочь ей, а сам, когда они пришли, все валялся на траве да бездельничал. Глядя на это, сестра стала напевать ему, как научил ее подземный житель.

Она пела, пела и закончила песню словами:

– Ты бодрствуешь, братец, или сон сморил тебя?

Подземный житель обещал, что брат уснет, как только она скажет эти слова. Так оно и вышло. Увидев, что он спит, сестра кинулась к кургану, дважды постучала по камню и получила от своего друга нож.

В тот вечер мать распекала среднего сына – он тоже вернулся домой ни с чем.

– Я заснул, – оправдывался средний брат, – но можно не сомневаться, что она резала торф, как всегда режут. Я только представил себе, как она работает, сразу из сил выбился.

– Ах ты, дурень, обвела она тебя вокруг пальца! – рассердилась мать.

И потому на следующий день отправиться с сестрой на болото пришлось старшему брату. Он тоже солгал, что хочет помочь, и тоже, знай себе, нежился в траве да бил баклуши. Когда сестра запела, старший брат смежил веки, как накануне и средний брат.

Но старший брат не заснул, он был начеку и залепил уши воском, едва сестра начала петь ту самую строчку:

– Ты бодрствуешь, братец, или сон сморил тебя?

Старший брат слегка похрапывал, чтобы сестра убедилась – он спит.

Он приоткрыл глаза и увидел, как она дважды постучала по камню, как из-под земли высунулась рука и отдала волшебный нож сестре. Он видел, как она резала торф и выполняла остальную тяжелую работу, словно то было плевое дело, а потом – как она снова дважды постучалась в курган и отдала нож.

Вернувшись вечером домой, он обо всем рассказал матери и братьям. Мать улыбнулась ему и произнесла:

– Молодец, сынок, теперь-то все встало на свои места. Сейчас я научу вас, что делать завтра... – Она говорила шепотом, чтобы дочь ничего не услышала и ни о чем не догадалась.

Девушка на другой день не почуяла неладное. Братья, как обычно, собирались на охоту, а ей вновь предстояло идти на болото за торфом.

Но на охоту братья не поехали. Мать велела им пойти за сестрой. Так они и сделали. Прокравшись к болоту, они увидели, как она дважды постучала по камню в кургане и как вслед за этим показалась рука с ножом.

Потом братья нашли укромное местечко и там стали дожидаться, когда сестра пойдет обратно. И, как только она появилась, они выскочили из укрытия и бросились на нее. Не успела она опомниться, как они ее схватили.

Младший брат зажал сестре рот, чтобы она не закричала. Средний держал руки, чтобы она не вырвалась, а старший выкручивал из пальцев нож.

Так они заполучили волшебный инструмент.

После братья дважды ударили по камню в кургане, как было заведено у сестры. Высунулась рука, чтобы взять нож. Но тут привычный порядок нарушился.

Нож держал старший брат. Он размахнулся, и острое лезвие одним ударом перерубило руку подземному жителю.

Раздался крик, от которого все они едва не оглохли. От этого крика содрогнулся курган и корни деревьев вышли на поверхность. Словно сама земля кричала и выла от боли.

Окровавленный обрубок спрятался внутрь.

* * *

Для девушки все пошло по-прежнему. Может, братья больше злорадствовали – они же раскрыли тайну сестры, и не было ей теперь больше помощи от подземного дружка. Может, мать еще больше сторонилась ее – дочь же пыталась их перехитрить.

Но в остальном все шло своим чередом. С ней снова обращались хуже, чем с собакой. И на следующее утро опять послали добывать торф старой деревянной лопатой.

Может, девушке на роду написано жить такой жизнью.

Подойдя к кургану, девушка громко вздохнула и дважды постучала по камню. Она прекрасно знала, что рука с ножом больше не покажется – на траве под ее ногами все еще виднелась запекшаяся кровь.

И все же она не могла не постучать. Девушка вглядывалась в темную щель, откуда всегда появлялась рука ее единственного друга. Из этой щели он протягивал ей волшебный нож, на короткое время облегчивший и скрасивший ей жизнь.

Она продолжала вглядываться в дыру и вдруг заметила, что внутри не так темно, как всегда.

В глубине что-то лежало. Что-то блестящее.

Девушка окинула взглядом болото. Ей бы приняться за работу, без волшебного ножа она потратит весь день, а не успеет управиться – останется без ужина.

Но вместо этого она отбросила лопату и опустилась на колени. Затем сунула руку в темную щель. Поначалу с опаской, мало ли что таится в темноте, но потом легла на живот и запикинула туда всю руку.

Внутри что-то было. Она нащупала что-то холодное и твердое.

Девушка вытащила руку. На ладони что-то блеснуло и сияло не хуже солнца, девушка едва не ослепла. Она прищурилась и только тогда поняла, что держит в руке. Никогда прежде она не видела золота. Но это было именно оно.

Золото подземного жителя.

На ее ладони лежали кольца с причудливыми витыми узорами и толстые золотые цепи. Их звенья соединялись, образуя замысловатые переплетения. Золота было столько, что как раз уместилось у нее в руке. Не иначе, тут целое состояние! Она богата!

Но было нечто, что она могла оценить дороже любого золота. И, может, теперь ей наконец удастся это получить.

* * *

Тем вечером девушка вернулась домой, как всегда, измученная. Спина ныла, ноги налились тяжестью, живот свело, она ведь весь день резала и перетаскивала торф.

Но не один лишь торф принесла она домой. И братья это тут же заметили.

– У нее что-то блестящее! – воскликнул младший брат.

– Золото, если не ошибаюсь, – прибавил средний брат.

– Самое главное – откуда оно у тебя? – вторил им старший брат.

Девушка поступила так, как задумала. Она протянула братьям золото со словами:

– Забирайте его себе, а взамен дайте мне одного коня.

Братья переглянулись и посмотрели на мать. Было видно, как они обдумывают, взвешивают и размышляют, но как бы они ни обдумывали, как бы ни взвешивали и как бы ни размышляли, блеск золота заворожил их и предрешил ответ.

Вот как случилось, что конь одного из братьев достался девушке. Она тут же вскочила на него и поскакала прочь. И ни разу не оглянулась. Ни на хибарку, в которой прожила всю жизнь, ни на мать, ни на братьев, которые лишним словом с ней вовек не обмолвились.

Девушка скакала прочь оттуда – в другую сторону, в другую жизнь. Может, она встретила принца и вышла за него замуж, а может – не встретила.

Зато братья навсегда остались с матерью в хибарке на пустоши.

Они состарились, обшаривая курган и болото в поисках других сокровищ подземного жителя. В том, что золота намного больше, они не сомневались, ведь всем известно, что подземные обитатели – любители собирать несметные богатства.

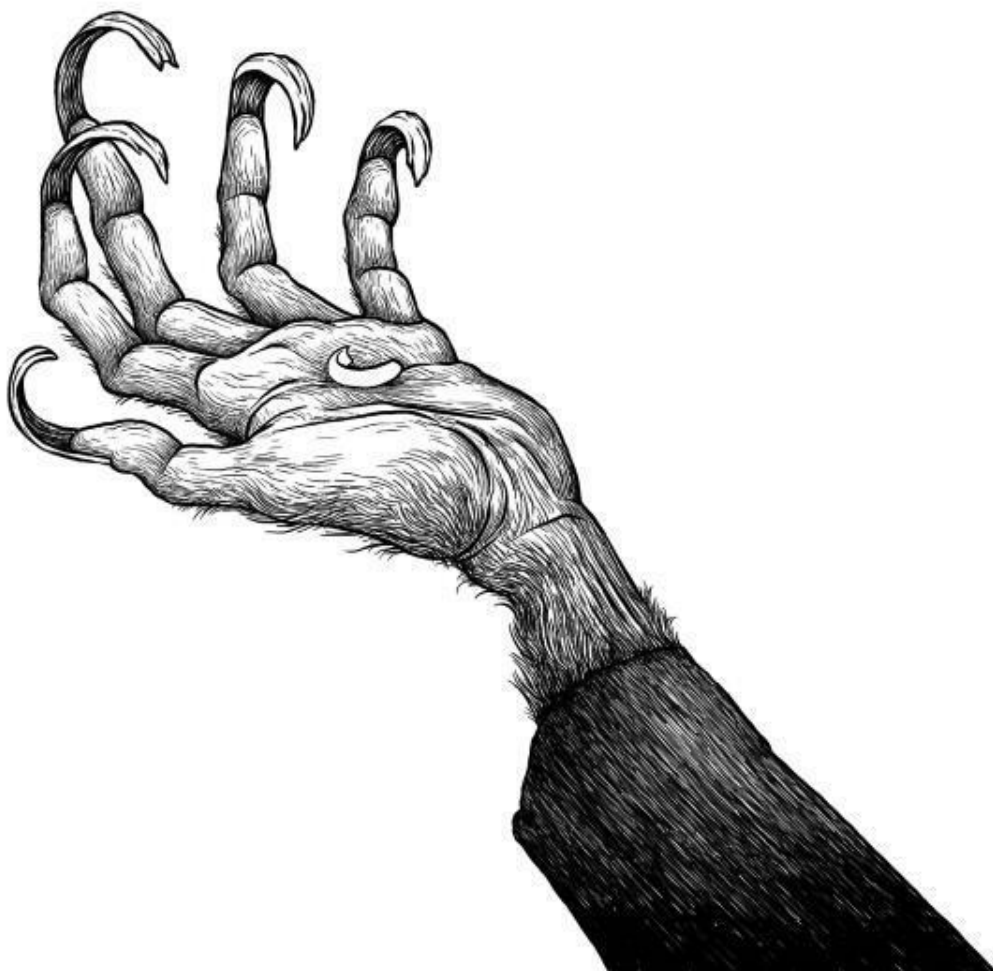
Братья постарели и поседели, разыскивая золото. Волшебным ножом они вгрызались в курган и болото, не пропуская ни клочка земли, да только все было напрасно.

Потому что с тех пор подземного жителя и след простыл, а вместе с ним и его сокровищ.



Человек-медведь

В вольном пересказе Кеннета Бё Андерсена



Он обрадовался, когда война наконец закончилась, и настал мир.

Солдат повидал такое, что и в страшном сне не привидится, и совершал такое, что людям совершать не положено. Порой он раздумывал над тем, отступят ли когда-нибудь мучившие его кошмары. Станет ли он когда-нибудь прежним человеком?

Солдат часто сражался в первой шеренге и в последнее время больше купался в крови и грязи, чем в воде. От его руки погибло столько людей, что он сбился со счета.

Потому, конечно, он обрадовался, когда комендант пожал ему на прощание руку и объявил, что солдат свободен и может идти, куда ему вздумается. Но вместе с тем.... Вместе с тем какой-то тихий неприятный голос внутри беспрестанно нашептывал: «И что теперь? Теперь-то что?»

Он начал службу молодым и все еще таковым оставался. Все-таки война длилась недолго, хотя казалось, конца ей не будет. Казалось, что всю свою жизнь он только и делал, что пригибался под свистящими пулями да смотрел, как кровь заливала лица друзей и врагов. Солдат ужасно скучал по своим родителям, которые, к несчастью, умерли во время войны. Братья прислали короткое письмо. Напрямую они не винили его в смерти родителей, но между строк читалось, что это он, младший сын, подавшись в солдаты, разбил сердца отца и матери.

И потому его не удивил прием, оказанный ему братьями, когда, много дней проведя в дороге, он наконец постучал в дверь отчего дома. Ему некуда было идти и не было денег, чтобы прокормиться. Война наградила его лишь шрамами и кошмарами, и он надеялся, что братья все же...

Но он ошибся.

– Мы думали, ты погиб на войне, – сказал один из них, а затем сжал губы в тонкую нитку. Его холодные глаза буравили младшего брата, как штык.

«Думали? – мысленно повторил солдат. – Или надеялись?»

– Тебе нечего здесь делать, – другой брат скрестил руки на груди. – Ты решил, что сам справишься. Вот и продолжай в том же духе.

– Но мне причитается доля наследства, – сказал солдат.

Впрочем, солдатом он уже не был. Он был никем, сыном без родителей.

Вот теперь братья заулыбались. Той самой, знакомой с детства улыбкой, которая всегда была, пока они держали его головой в реке или по очереди хлестали крапивой по голой спине. Потому-то он и пошел в солдаты. Чтобы убраться подальше от дома.

– Тебя давным-давно лишили наследства. Понадобились долгие уговоры, но отец, царствие ему небесное, в конце концов, внял голосу рассудка. – Таков был их ответ.

Дверь захлопнулась.

* * *

Солдат не знал, как быть. Из пожитков были у него разве что поношенный мундир на плечах да ружье за спиной. Это ружье не раз спасало ему жизнь. Теперь же казалось, что сама смерть тычет косою парню в спину.

Он поплелся по дороге, ведущей в лес. На сердце было тяжело от тоски и отчаяния, и когда солнце покатило за горизонт и сумерки начали сгущаться, ему стало так плохо, что снова захотелось оказаться на поле брани. Захотелось, чтобы война продолжалась и было куда применить себя, вместо этого бессмысленного существования.

Чем, черт возьми, ему заняться?

Тут раздался резкий звук... Треск. Будто лес застонал от боли, и показалось, что на небе туча заслонила солнце.

Ничего подобного – солдат посмотрел вверх и нигде не заметил ни облачка.

И все же потемнело.

Наступила абсолютная тишина, нарушаемая лишь стуком его сердца. Даже птицы умолкли. Солдат принюхался: «Неужто пахнуло серой?»

Он внезапно почувствовал, что рядом кто-то есть.

Солдат обернулся и заметил в тени какое-то движение. Силуэт. Мужчина? Да, приятного вида пожилой господин в зеленом пальто, почти слившийся с листвой. Незнакомец приблизился, в его поступи было что-то странное. Словно он повредил ногу и теперь прихрамывал. Подкрученные усы, улыбающийся рот, глаза – как пулевые отверстия на теле убитого.

Солдат опустил взгляд. Нога мужчины, покрытая шерстью, заканчивалась раздвоенным копытом. Козлиная нога.

Первой мыслью солдата было схватить ружье и попробовать выстрелить, пока не поздно.

Потом он подумал, что уже поздно – тут порох и пули бесполезны.

– Не бойся, – сказал козлоногий, поднимая одну руку. – Я не причиню тебе зла.

Солдат фыркнул и, к своему удивлению, понял, что не особо-то и испугался. Видно, ужасы войны закалили его.

– Думаешь, я в это поверю?

Дьявол еще больше заулыбался. Он приложил руку к груди:

– Bravo, но лучше берегись его.

– Кого?

– Медведя, – ответил незнакомец, указывая пальцем с длинным острым ногтем на что-то за спиной солдата.

Тот обернулся и увидел большого бурого медведя. Зверь продирался сквозь кустарник, надвигаясь прямехонько на солдата. Слюна бежала из раскрытой пасти, огромные лапы гулко топали по земле. Медведь стремительно приближался. Молниеносным и отточенным движением парень вскинул ружье, отвел затвор и до отказа нажал курок. От выстрела взлетела стая птиц, а страшный зверь осел. Не больше метра отделяло его от места, где стоял солдат.

– Даже рука не дрогнула. – Дьявол одобритительно присвистнул. – Мужества тебе не занимать, нервы крепче закаленной стали. А хватит ли у тебя пороха заключить сделку?

– Выкладывай! – Солдат снова закинул ружье на плечо. Он собирался отказаться. Разумеется, отказаться. Связываться с темными силами себе дороже. Но почему бы не послушать, что предложит козлоногий господин.

– Дом и золото. Сколько пожелаешь.

– А что взамен?

– Все просто. Это, можно сказать, мечта любого ребенка. – Дьявол подкрутил усы, концы их торчали, как рога. – Семь лет тебе нельзя ни мыться, ни расчесывать волосы и бороду. Нельзя вытирать нос, стричь ногти, менять одежду. И, разумеется, нельзя произносить ни одной молитвы, это само собой. Я дам тебе пальто и плащ, их ты и будешь носить все эти годы. Бедствовать не придется, тебе хватит и на еду, и на ночлег, и на развлечения. Но если до истечения семи лет ты нарушишь уговор или умрешь, то достанешься мне. Я подыскиваю нового привратника, и такой молодец, как ты, как раз подойдет. Как тебе?

На что же ему решиться? Солдат вдруг задумался. Семь лет не мыться – делов-то? И еще... У него ничего нет: ни дома, ни денег, ни семьи и, что хуже всего, никакого занятия.

«Так вот тебе занятие, да по нраву! Возможность победить врага. Как тогда на войне», – подумал солдат.

– Уговор, – ответил он.

Заулыбались не только губы, казалось, улыбка проползла даже в мертвые глаза Дьявола. Нечистый снял свое пальто и отдал солдату:

– В карманах всегда полно звонкой монеты. Трать, как вздумается.

Солдат надел пальто и почувствовал, что в карманах пусто. Но стоило засунуть внутрь руку как он убедился, что Дьявол не солгал. Впервые у него оказалось столько денег.

– Теперь плащ. – Дьявол подошел к медведю и освежевал его своими острыми ногтями. Дымящаяся шкура сочилась кровью, когда нечистый накинул ее на плечи солдата. Но ему и прежде доводилось пачкать кровью свой мундир, а потому он и бровью не повел. – Интересно, когда же мы снова увидимся, человек-медведь?

– Через семь лет, – ответил солдат.

Дьявол расплылся в улыбке:

– Надеюсь.

Солдат наморщил лоб, собираясь спросить, что бы это значило. Но не успел, Нечистый исчез. От него осталась только закапанная кровью трава и зеленое пальто на солдате, прикрытое сверху медвежьей шкурой. В карманах звенели монеты, и человек-медведь улыбнулся. Первое, на что он раскошелится, – это добрый ужин и кружка пива. А может, и две.

* * *

Время шло, вместе с ним шел и человек-медведь. Из города в город, из трактира в трактир, навстречу семи годам, которые нужно было прожить.

Первый год дался легко. Человек-медведь ни в чем себе не отказывал. В деньгах недостатка не было, и народ в трактирах охотно пил за его здоровье и за его счет.

Но на следующий год стало хуже. Намного хуже. Понемногу он стал походить на зверя. На чудовище, что, как сказывают, живет в заколдованном замке в чаще леса.

Всклоченные волосы и борода срослись, почти закрыв лицо, такое же грязное, как и одежда. Ногти загибались подобно когтям. И от него исходила такая вонь, что слезились даже собственные глаза.

Сначала резко обрывался смех и разговоры, когда он входил.

Потом люди стали все дальше и дальше отодвигаться от него. После они бросались бежать, стоило ему появиться. Собаки облаивали его, кошки шипели, а дети плакали. Под конец бывшего солдата перестали пускать даже в самые дрянные трактиры, и компанию ему составляли только мухи, с жужжанием кружившие вокруг, как они кружатся и жужжат над мертвыми на поле брани.

А впереди было еще пять долгих лет.

* * *

Карманы зеленого пальто наполнялись деньгами, стоило сунуть внутрь руку. Да вот только куда их тратить? Человек-медведь усердно подавал нищим, наказывая им молиться за него. Да была ли сила в купленных молитвах и благословениях. Тем более купленных на деньги из богатств Нечистого. Вряд ли.

И все же.

Нечистый ведь сказал, что, если солдат умрет до истечения семи лет, он заберет его душу, и человек-медведь полагал, что Дьявол станет насылать на него беды одну за другой.

Однако ничего примечательного не происходило. Случалось, жители прогоняли его вилами из города, но стоило им слышать звон монет в его вечно полных карманах, как дело принимало иной оборот.

Нет, ничего не происходило, дни медленно сменяли друг друга, и так прошло еще два года. Два долгих года. И когда человек-медведь пил из ручья, утоляя жажду, он не узнавал отвратительного чудовища, смотревшего на него из воды.

Он больше не походил на человека. Больше не чувствовал себя человеком. «Кто я?» – спрашивал он себя. И настало время, когда он едва мог вспомнить ответ. А может, следовало бы спросить: «Что это за чудовище?»

Лето сменилось осенью. И одним пронизывающе-холодным вечером собиралась гроза.

Человек-медведь вышел из своей лесной берлоги и направился в долину, там находился один старый трактир.

Он постучал в дверь и изо всех сил постарался ответить вежливо, когда хозяин спросил, кто это там пришел, хотя его голос... Голос был таким сирым, что слов было почти не разобрать, ведь он давно ни с кем не разговаривал.

Хозяин все-таки открыл – но сразу же снова захлопнул дверь.

– Сюда тебе хода нет, – прерывающимся голосом сказал трактирщик из-за закрытой двери.

– Тогда пусти меня в хлев. Твоя скотина мне не помешает.

– Зато ты ей помешаешь. Напугаешь до дрожи.

– Тогда дай комнату. Плачу двойную цену. Десятикратную цену.

– Десятикратную? – Короткое молчание. Затем лязг засова, и дверь снова отворилась. За нею человек-медведь увидел пару глаз, недоверчивых, но жадных. – Деньги вперед.

Не так-то просто выудить из кармана столько монет, когда твои ногти превратились в длинные когти, но в конце концов ему удалось.

– Занимай самую дальнюю комнату да не вздумай никому на глаза показываться, – наказал хозяин. – У меня приличное заведение, и приходится заботиться о своем добром имени. Живее!



Зажав нос, трактирщик провел гостя в его комнату.
Скрипучая кровать, масляная лампа, освещавшая только середину комнаты. Тараканы, ползущие по стенам. И еще таз для умывания.
Человек-медведь долго сидел, уставившись на него.

На улице начался дождь.

* * *

Той ночью он чуть было не сдался.

Минуло четыре года, а казалось, что все сорок. Каждый день тянулся бесконечно долго, каждый день – презрительные взгляды и обращенные к нему спины. И каждая ночь тянулась бесконечно долго, а в ней – кошмары про войну. Осталось терпеть всего три года: меньше половины, но не было чувства, которое бывает, когда минуешь рубеж. Казалось, что впереди зияет бесконечность. Пройдут оставшиеся три года, и что дальше? Кем он все-таки хочет стать? Человек-медведь не знал, но заметил, что начал разговаривать сам с собой. И порой видеть то, чего не было.

Может, потому Дьявол и не стал насыпать на него несчастья? Потому что надеялся, что солдат продержится все семь лет? Потому что знал, в кого он в конце концов превратится, а не это ли настоящая победа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.